

ПЕЧАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(По вопросу о церковно-богослужебномъ языкѣ) ¹⁾.

„Чѣмъ живѣе религіозное чувство“, пишетъ пр. В. Θ. Пѣвницкій, „тѣмъ болѣе стоитъ оно за охраненіе и сохраненіе такихъ вещей, которыя чтутся, какъ святыня“. Какъ замѣтно по всей статьѣ, профессоръ, повидимому, не допускаетъ возможности того, что живое религіозное чувство иногда обязано стремиться къ новымъ вещамъ и формамъ, взаимѣнъ старыхъ. Если это такъ, то, очевидно, подѣ живымъ религіознымъ чувствомъ онъ разумѣетъ далеко не живое Чѣмъ живѣе религіозное чувство, тѣмъ меньше, наоборотъ, оно связывается вещами и формами, тѣмъ дальше оно отъ вещепоклонства, хотя, конечно, благоговѣетъ предѣ всѣмъ, что посвящено Богу, бережетъ все, что имѣетъ какое бы то ни-было отношеніе къ религіи. Подѣ живымъ религіознымъ чувствомъ, какъ видно изъ дальнѣйшей рѣчи, г. профессоръ разумѣетъ такъ называемую „церковность“ („не духовную солидарность съ Церковью, а „любителство“ внѣшности“ храма и Богослуженія). Это — другое дѣло. Мы знаемъ людей, которые, дѣйствительно, смотрятъ какъ на святотатство на поновленіе, напр., старой иконы, когда такое поновленіе является даже безусловно необходимымъ. Одно епархіальное начальство, иля навстрѣчу подобнымъ чувствамъ, объявило благочиннымъ и настоятелямъ церквей „что возобновленіе живописи на чудотворныхъ и мѣстно-чтимыхъ древнихъ иконахъ безусловно воспрещается“ (Церк. Вѣд. 1908 г. № 30)... Вотъ, напримѣръ, старинная икона Спаси-

¹⁾ См. Июль-Августъ, стр 493—504.

теля. Она почернѣла отъ времени, да и сначала была написана темною. Она истрескалась, кое-гдѣ совсѣмъ стускнѣла, по мѣстамъ начала осыпаться. На ней едва можно разобрать темный искаженный ликъ нашего Искупителя и Господа. Но поновить ее считается святотатствомъ. „Церковники“ этого не позволяютъ. Имъ скажешь: вѣдь это же ложь; Спаситель нашъ—свѣтъ, а не тьма, не чернота; Ликъ Его—дивный и прекрасный; представить Его чернымъ, съ искаженными чертами, наполовину уничтоженными ветхостью красокъ,—кошунство, смущающее и оскорбляющее душу. Нѣтъ, это ихъ не трогаетъ, они говорятъ, что иконѣ—триста лѣтъ, что она считается чудотворною, что поновишь ее—чудотворность ея исчезнетъ. Въ такихъ рѣчахъ „церковниковъ“ не только нѣтъ христіанскаго религіознаго чувства, но оно прямо-таки предается поруганію. Ликъ Христа Господа имъ не нуженъ: у нихъ—старая вещь, въ которую они вѣрятъ, какъ въ чудотворную... Кто это вздумалъ ограничить Всемогушаго въ Его милосердіи? Кто это поставилъ чудеса Его въ зависимость отъ старой краски иконъ? Не явно-ли здѣсь грѣховное поклоненіе вещи? И эти чувства блюдутъ, какъ „живыя религіозныя чувства“. Но неужели не живо религіозное чувство того, кто жаждетъ увидѣть не кошунственный, а прекрасный, свѣтлый и дивный ликъ своего Господа и Спасителя. И неужели Господь не сотворитъ чуда, если кто предъ этимъ свѣтлымъ ликомъ помолится со слезами восторга, вѣры и умиленія? Подобная суевѣрная привязанность къ священнымъ вещамъ особенно наблюдается у ханжей—фарисеевъ, большею частію злыхъ, гордыхъ, безпощадныхъ въ отравленіи жизни окружающихъ и близкихъ, и повторствовать этому весьма грѣшно. Конечно, то—правда, что человѣкъ живаго религіознаго чувства относится не безразлично къ священнымъ предметамъ. Бываетъ, что онъ готовъ цѣловать и камни храма. Но вещи ему дороги не сами по себѣ, а какъ нѣчто, тѣсно связанное съ духомъ, благодатью. съ силою обитающаго въ храмѣ Бога, съ идеями вѣры. Это не привязываетъ его къ вещамъ; они не вырастаютъ для него въ самостоятельную величину, не заслоняютъ Благодати. не отдѣляются отъ нея какъ самоблагодатныя, нуждающіяся въ освященіи только въ одинъ начальный моментъ. Развѣ Благодать Божія не въ силахъ освятить всякой другой-

новой вещи? И если старая перестала выражать свою идею, то почему ее не замѣнить новой? Мы кланяемся не краскамъ и дереву, а изображенному лицу, живой личности, которую напоминаетъ изображеніе. Если изображеніе устарѣло и никого не напоминаетъ, то идея иконы потеряна: это уже не икона. Благоговѣнное чувство не позволитъ отнестись и къ этой старой вещи пренебрежительно, но чтобы ее и поновить невозможно было, что благодать въ старой краскѣ, а новая обезблагодатитъ икону,—думать такъ—явная и зловредная ересь. Единъ Богъ—творяй чудеса. Онъ неизмѣненъ, и сила Его не ограничивается тѣми вещами, какія Ему благоугодно было освятить; и вообще ничѣмъ не ограничивается! Вѣрующій и любящій и чистый сердцемъ встрѣтитъ Бога и въ храмѣ и въ полѣ, получить чудесную помощь и при старой, и при новой иконѣ, и совѣмъ безъ иконы: когда и какъ угодно Господу. Конечно, не Господу, а *намъ* нужны видимыя посредства. Но на благоговѣнное чувство болѣе воздѣйствуетъ та вещь, та икона, какая болѣе и ближе напоминаетъ намъ Господа, болѣе соответствуетъ религіозной идеѣ. И никогда живое религіозное чувство не согласится, что перейти на лучшее новое, болѣе ярко и живо выражающее религіозную идею, чѣмъ устарѣлое,—грѣшно. Наоборотъ, онъ подскажетъ, что грѣшно коснѣть въ старомъ и грѣшно поддерживать суевѣрные мнѣнія о старинѣ въ виду очевидной необходимости подготовить народъ къ разностороннимъ обновленіямъ въ церковной жизни.

Кромѣ привязанности къ старому, въ нашей русской церковности наблюдается привязанность къ количеству св. изображеній и къ украшенію ихъ золотомъ. Войдешь въ храмъ, ищешь лика Спасителя, Богоматери, и не находишь. Всюду блескъ золота; оно залило все: и изображеніе, и фонъ, и раму, и колонны. По золотому фону видны только небольшія темныя точки и сложные рельефы, заставленные огромными поддѣльными металлическими свѣчами. По верху иконостаса масса мелкихъ темныхъ иконъ въ золотой оправѣ. Много богатства, много иконъ, а душа голодна, не найдетъ. кого ищетъ; а и найдетъ—только оскорбится. Ликъ Христа Спасителя нарисованъ древнимъ грубымъ способомъ, и все изображеніе Его забито чеканнымъ золотымъ листомъ съ

рельефами. Будто бы все это соответствует живому религиозному чувству? Будто бы это соответствует идеѣ иконы? А между тѣмъ это—господствующій вкусъ въ большинствѣ нашихъ храмовъ. Подъ него поддѣлываются, за него стоятъ съ фанатизмомъ, не допуская „новшествъ“—одухотворенной живописи.

Какъ извѣснаго рода красота и царственность, золото можетъ быть, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно (св. сосуды) быть посвящено Господу. Но для этого необходимъ художественный талантъ и чувство мѣры. Если же золото скрываетъ изображеніе, если оно грубо, безобразно, чрезмѣрно, если всѣмъ предстоящимъ извѣстно, что оно—„отъ мамы неправды“ неоднократно „банкротившейся“, нещадившей сироту и бѣднаго,—то смыслъ его получается совсѣмъ другой, не религиозный. Стоитъ „жертвователю“ предъ своей иконой десятки лѣтъ и почитаетъ тяжкимъ оскорбленіемъ для себя вопросъ о замѣнѣ ея иной. Онъ по-своему любитъ икону, онъ гордъ тѣмъ, что это—его золото, или вообще то золото, которому онъ служитъ какъ высшему интересу своей жизни, источнику своей славы и почета. Подъ этой формой понятно ему и Божіе величіе. Правда, икона остается для него символомъ Христа; но именно только условнымъ символомъ, а не живымъ напоминаніемъ. Эта икона не отвѣчаетъ своей идеѣ, не даетъ истиннаго представленія о Христѣ; молящійся предъ нею не преображается свѣтомъ и духомъ лица Его, а утверждаетъ въ поклоненіи своему обычному кумиру, въ своей холодной гордости, въ своей вѣрѣ въ силу и величіе золота. И такіе типы сплошь да рядомъ считаются столпами „русской“ церковности.

Но вотъ рядомъ съ этимъ извѣстнымъ типомъ „жертвователя“ стоитъ другого характера богомолецъ. Смотритъ онъ на старинную золотую икону и глубоко страдает чувствомъ сиротства. Богатый храмъ, а не видитъ онъ въ немъ достойнаго изображенія своего Спасителя. Ему хотѣлось бы увидать Его такимъ, какимъ Онъ ходилъ по землѣ: прекраснѣйшимъ изъ сыновъ человѣческихъ, въ Его простой и величественной одеждѣ, въ образѣ Его смиреннаго снисхожденія, въ свѣтѣ и благодати воплотившагося Божества. Развѣ Онъ былъ закрытъ этимъ холоднымъ, гордымъ и нахальнымъ блескомъ золота? Развѣ Онъ любилъ его? Развѣ

Онъ былъ такъ темень и некрасивъ въ лицѣ? Развѣ гордый блескъ „мамоны неправды“ можетъ прибавить Ему величія? Развѣ бы Онъ Самъ одобрилъ такой образъ? Живое религиозное чувство ищетъ изображенія, дѣйствительно напоминающаго Господа,—исполненнаго Его духа: кротости, смиренія, простоты, правды, Богочеловѣческаго духовнаго величія. Такой образъ дивно будитъ душу, потрясаетъ, запечатлѣвается, преобразуетъ чувства, влечетъ къ безпредѣльному совершенству. И однако такіе запросы у насъ не уважаются: это не въ русскомъ *духѣ*, это—„нецерковно“. Такіе запросы считаются новшествомъ, ихъ не любятъ тѣ, кто боится богачей, кто страшится за доходы храма.

Итакъ, то, что обыкновенно называется русской церковностью, есть переоцѣнка внѣшности насчетъ духа; это есть любовь къ *нашему* и нашей *родовой* привычкѣ болѣе, чѣмъ къ универсальнымъ и вѣчнымъ внушеніямъ религіи; это есть исканіе въ религіи болѣе челоуѣческаго, чѣмъ Божьяго, болѣе частныхъ субъективныхъ чувствъ, чѣмъ общей объективной правды. Наша церковность цѣнитъ въ иконахъ старину, количество и блескъ, въ Богослуженіи—неприкосновенность формы, продолжительность и славянщину. Такъ въ религиозной жизни проявляется русскій *духъ*; хотя слишкомъ очевидно, что духомъ здѣсь называется плоть. Отъ этого и происходитъ, что людей церковнаго духа у насъ не найдешь и днемъ съ огнемъ. Наша народная церковность, дѣйствительно, консервативна и фанатична до жестокости; она, дѣйствительно, не позволяетъ двинуться впередъ, къ духу жизни. На эту-то церковность и опирается В. Θ. Пѣвницкій въ своихъ разсужденіяхъ.

Но, можетъ быть, мы возводимъ клевету на почтеннаго профессора? Вѣдь и истинная церковность благоговѣйна къ священной внѣшности храма и Богослуженія; вѣдь и для служителей духа необходимы при молитвѣ и таинствахъ матеріальныя средства и пособія, которыя, будучи освящены религиознымъ употребленіемъ, становятся дорогими для сердца. Все это правда. Правда и то, что В. Θ. Пѣвницкій—представитель просвѣщенной истинной церковности, за что и пользуется извѣстностью и почтеніемъ въ духовной средѣ; но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ онъ беретъ подъ свою защиту церковность именно обрядовѣрную. Вѣдь

по духу нашей церкви совѣтъ не требуется застыть въ извѣстныхъ формахъ религіозной жизни. Церкви совѣтъ не противенъ духъ творчества и обновленія; наоборотъ—она живится этимъ духомъ. Только фарисейская церковность боится обновленій. Истинная церковность не боится соблазновъ, разъ обновленія требуются насущными интересами духа. Обсуждая проекты улучшеній, она можетъ поставить вопросъ лишь о томъ, дѣйствительно ли они ведутъ къ лучшему, къ высшему развитію религіознаго сознанія? Этихъ-то свойствъ мы и не находимъ въ церковности, защищаемой въ данномъ случаѣ В. Ѡ. Пѣвницкимъ. Къ обновленіямъ онъ относится съ грубымъ подозрѣніемъ и недоброжелательно, славянскій языкъ хотѣлъ бы навсегда сохранить для нашего Богослуженія. Впрочемъ, ниже мы разберемъ одинъ документъ, приведенный г. профессоромъ въ его статьѣ. Этотъ документъ не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, на сторону какой именно церковности въ данномъ случаѣ онъ становится.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что истинная церковность равнодушна къ церковно-богослужебному языку. Итъ, въ нѣкоторой степени В. Ѡ. Пѣвницкій правъ. Привычный языкъ и въ частности славянскій богослужебный языкъ естественно долженъ быть дорогимъ для насъ. Вопросъ только въ томъ, *почему* онъ долженъ быть дорогимъ и *въ какой мѣрѣ* имъ нужно дорожить? Если я вижу, что славянскій текстъ скрадываетъ содержаніе Писанія и молитвъ для большинства народа, если вижу, что народъ отъ этого духовно голодаетъ и жадно кидается на русскій текстъ, какой предлагають ему сектанты, и если не смотря на это я упорно утверждаю, что народъ—невѣжда, измѣнникъ, что славянскій языкъ должно сохранить навсегда, потому что онъ *нашъ* привычный богослужебный языкъ, потому что онъ *освященъ* долговременнымъ употребленіемъ въ Церкви, то, очевидно, я—сторонникъ псевдо-церковности, согласный принести содержаніе въ жертву формѣ, духовное—въ жертву плотскому, Божественное—въ жертву человѣческому. Приписывать условному безусловное значеніе, временное возводить въ вѣчное,—вотъ въ чемъ всеглашняя ошибка мнимыхъ церковниковъ. Совѣтъ иное дѣло, если я искренно считаю славянскій языкъ наилучшимъ выраженіемъ

религіознаго одушевленія и молитвы до тѣхъ поръ, пока не увижу болѣе совершеннаго. При такомъ настроеніи можно спокойно и безпристрастно разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ того и другого языка въ качествѣ богослужбнаго, безъ всякихъ подозрѣній и недоброжелательства..

Въ защиту употребленія славянскаго языка въ Богослуженіи можно выяснитъ слѣдующій, достойный уваженія, доводъ. И Божественная жизнь, и единеніе съ нею нашихъ душъ въ Таинствахъ являются предъ нашимъ умственнымъ созерцаніемъ какъ необъятный океанъ духовной жизни, полный „неизреченныхъ глаголовъ, ихже не лѣтъ есть чловѣку глаголати“. Прикровенная и символическая рѣчь является при этомъ и неизбѣжною, и наиболѣе отвѣчающею существу дѣла. Она хорошо гармонируетъ въ данномъ случаѣ и съ нашимъ чувствомъ и съ нашимъ познаніемъ и въ силу этого вызываетъ истинное благоговѣнное отношеніе къ прикровенной священной тайнѣ; она настраиваетъ чловѣка на особенный мистическій тонъ, отрывая его отъ обыденныхъ впечатлѣній. Отцы издревле привыкли „молчаніемъ охранять святыню таинствъ“, которая при обычной рѣчи и полной явности не покажутся ли чѣмъ-то очень простымъ, обычнымъ и прозаическимъ? Особенно это нужно сказать относительно Литургіи. Такого взгляда на этотъ предметъ держится и римско-католическая церковь, ревниво сохраняя въ Богослуженіи древніе языки. Думается, что не иное что, какъ именно чувство привычнаго благоговѣнія, сроднившася съ мистической красотой славянскаго богослужбнаго языка, подсказало В. Θ. Пѣвницкому его утрированный выводъ: будетъ брошенъ этотъ языкъ, считающійся священноцерковнымъ, и замѣненъ простымъ обыденнымъ языкомъ, произойдетъ омѣрщеніе церковнаго дѣла и низведеніе его съ высоты, ему подобающей, въ близкій уровень съ простыми будничными явленіями“. Въ этомъ выводѣ ¹⁾ г. профессора поддержала и несомнѣнная величавая простота, сжатость и благозвучіе славянской рѣчи, ея привычная намъ торжественность; а равнымъ образомъ и то обстоятельство, что чувства наши религіозныя уже отлились именно въ форму славянскихъ реченій, и разбитъ ее—больно.

¹⁾ Подсказанномъ Н. П. Ильминскимъ, отчасти.

Все это повторяемъ, достойно уваженія и почтенія; но все это—условно и относительно, все это носить печать и индивидуальнаго и, можетъ быть, народнаго субъективизма, отъ котораго перейти къ высшей объективной правдѣ не грѣшно, а въ нѣкоторые историческіе моменты прямо-таки спасительно. Во всякомъ случаѣ видѣть въ языкѣ и внѣшности Богослуженія нѣчто безусловное и неприкосновенное недостойно истинной церковности. Если мы вдумаемся въ сущность дѣла и въ нужду церковную, то убѣдимся, что у насъ нѣтъ ни основаній, ни нравственнаго права принести духовныя жертвы нашему субъективизму, который извинителенъ только до тѣхъ поръ, пока мы его не сознали.

Таинственная благодатная жизнь такова, что если бы мы изложили свои отношенія къ ней въ самыхъ ясныхъ словахъ, дѣйствіяхъ, звукахъ и краскахъ, то и тогда наше изображеніе было бы только намекомъ, тѣнью этой необъятной глубины, ея слабымъ отраженіемъ въ тускломъ зеркалѣ. Таинственная и недовѣдомая сущность религіи такова, что никакими средствами нельзя сдѣлать ее вполне доступною, простою, обыденною. Божественное навѣки останется Божественнымъ, и чѣмъ болѣе объективно, чѣмъ полнѣе мы будемъ воспринимать его, тѣмъ болѣе будемъ близкими и подобными ему (1 Іоан. 3, 2) и тѣмъ болѣе благоговѣйными. Произвольно окружать таинственной тьмой то, что Богу угодно было открыть и открывать людямъ, человѣкъ не имѣетъ права и основанія. Говорить, что отъ ясной рѣчи „дѣло Церкви“—содержаніе религіи будетъ чѣмъ-то прозаическимъ, обыденнымъ, значитъ не сознавать вполне, что говоришь: говорить такъ—неблагоговѣйно. Содержаніе религіи—Богъ, Божественная жизнь, объединеніе съ ней человѣка. Насколько возможно ясно, насколько возможно объективно должны мы воспринимать ее; чѣмъ она яснѣе, тѣмъ болѣе мы воспримемъ ее, тѣмъ болѣе будемъ ей сообразны. Закрывать ее—значитъ враждовать съ ней (если только это не временное тактическое покрывало). Кто не чувствуетъ живую не проходящую сущность религіи, готъ, дѣйствительно, возбуждается и живится религіозной формой: *въ ней* для него религія, и онъ возводитъ ее на высоту непреходящихъ явленій, окружаетъ „особымъ почитаніемъ“. Кто говоритъ: „рушатся наши древніе обычаи—конецъ вѣрѣ,

конецъ Руси“,—какъ говорили въ старину, да и теперь кое-кто повторяетъ,—тотъ, очевидно, чуждъ живой вѣры и благодати, тотъ язычествуетъ. Обычай и обряды и языкъ прейдутъ, а вѣра и любовь пребудутъ, Христосъ вовѣки одинъ и тотъ же, и Церковь Его, основанная на Немъ, какъ на вѣчномъ камнѣ, не поколеблется. Не отъ искусственной мистичности мы благоговѣйны, а отъ наибольшаго разумнѣя существа религій, что достигается наяснѣйшимъ ея выраженіемъ. Думать иначе—значить отрицать вліятельность на насъ существа религій самого по себѣ или связывать необъятный океанъ духа нашими маленькими условными формами. Развивается духъ, неизбѣжно должны развиваться и форма. Форма нужна именно самая близкая къ существу предмета, а не искусственно отъ него удаленная. Люди благоговѣйны отъ неразумія, а они думаютъ, что если они затуманяютъ содержаніе вѣры, то будутъ благоговѣйнѣе; и за туманную форму они стоятъ такъ усердно, что готовы принести ей въ жертву ясность и доступность содержанія. Покойный генералъ Драгомировъ настоятельно протестовалъ противъ мысли объ измѣненіи текста воинской присяги. Чѣмъ непонятнѣе и страннѣе, по его мнѣнію, текстъ присяги, тѣмъ онъ страшнѣе, таинственнѣе для солдатъ и тѣмъ могущественнѣе дѣйствіе ея на нихъ, тѣмъ они ей вѣрнѣе. Но вѣдь это что значитъ? Это значитъ, что, по его мнѣнію, если солдатъ образовать, да дать имъ ясно понять, что въ присягѣ содержится, то ея вліяніе на нихъ ослабѣетъ, т. е.—иными словами—присяга для умнаго человѣка и въ ясномъ текстѣ вещь маловажная, она имѣетъ полную силу только для неразумныхъ въ темномъ невразумительномъ текстѣ. Дѣйствительно, говорятъ, не зная что: достигаютъ результатовъ какъ разъ противоположныхъ своему желанію и убѣжденію. Такъ и въ вопросѣ о Богослуженіи. Только невѣрію свойственно полагать силу религій въ гипнозѣ при посредствѣ внѣшнихъ формъ и дѣйствій; но когда это высказывается вѣрующей, слишкомъ преувеличивая значеніе внѣшнихъ формъ религіозной жизни и соглашаясь лучше не видать ясно сущности ея, чѣмъ разстаться съ туманомъ ея оболочки, то не правда ли, что мы имѣемъ дѣло въ такомъ случаѣ съ воззрѣніями, до конца не продуманными?... Безконечную таинственность и недовѣдомость Божественнаго

пытаться (безъ цѣли) усилить нашей маленькой туманностью и декадентскимъ символизмомъ—жалкая и вредная задача. Евангеліе—высшее откровеніе Божественной жизни; но оно—чуждо мистицизма, оно все—простота и реальность („полнота Божества тѣлесно“); и однако ничто не можетъ сравниться съ нимъ въ дѣйствиіи на душу. Можетъ быть, для младенцевъ въ вѣрѣ и нужно поберечь мистическій нарядъ службы; но это—только временно, до поры ихъ зрѣлости; это не можетъ быть закономъ для зрѣлыхъ, стремящихся безъ конца къ дальнѣйшему развитію. Чѣмъ яснѣе для насъ самое существо вѣры и чѣмъ болѣе оно намъ открывается, тѣмъ болѣе оно владѣетъ нами, тѣмъ болѣе оно намъ понятно, тѣмъ больше предъ нимъ нашъ благоговѣнный трепетъ. И съ этимъ безконечно растущимъ реальнымъ благоговѣніемъ не сравнима благоговѣнность мистическая, искусственная. Послѣдняя проявляетъ свою немощную пророду въ томъ признаніи, что для нея святыня сойдетъ въ рядъ обычныхъ явленій, если приметъ ясную, понятную и живую форму. Поэтому она и стоитъ за древній языкъ, хотя бы реченія его были уже маловразумительными, хотя бы молитвы были полными непонятныхъ омертвѣлыхъ словъ, не волнующихъ души ясностью и огнемъ мысли и чувства. А между тѣмъ принести Богу непонятное слово, т. е. такое, какое намъ ненужно, какъ бессмысленное и безцѣльное для насъ, есть кощунство, если допускается сознательно. Невразумительныя слова не могутъ служить „къ назиданію Церкви“. „Если вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаете, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ... Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то, хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода... Въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобъ и другихъ наставить, нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ“... Вотъ взглядъ св. Апостола Павла (1 Кор. 14, 9, 12, 14, 19). Онъ именно разумѣетъ здѣсь непонятный мистическій языкъ при Богослужбныхъ собраніяхъ.

Итакъ, нѣтъ основаній стоять за древніе языки въ силу ихъ мистическаго значенія. Религія должна имѣть самую ясную, самую простую и самую живую форму, если мы хотимъ, чтобы она переродила нашу жизнь, если мы хотимъ быть истинно благоговѣнными. Форма религіи должна быть

наилучшею изъ всѣхъ возможныхъ. Это, конечно, налагаетъ на насъ обязанность величайшей осторожности въ дѣлѣ обновленія этой формы. Но это, однако, не даетъ намъ никакого права быть въ своей критикѣ возникающихъ проектовъ и чаяннй нетерпѣливыми, пристрастными и подозрительными.

Нехорошій пріемъ—представлять въ завѣдомо худшемъ видѣ то, къ чему не лежитъ наше сердце. Реформа богослужбнаго языка крайне нужна. Кто ея не желаетъ, можетъ нарисовать картину, какъ неразумные и неблагоговѣнные люди взялись дѣлать эту реформу, и всѣ, дѣйствительно, закричатъ, что это—кошунство. Но справедливъ ли такой пріемъ? Когда мы говоримъ о реформѣ, то мы думаемъ, конечно, что она должна быть совершена не глупыми и грубыми, а умнѣйшими, богопросвѣщенными и боговдохновенными людьми, наилучшимъ, самымъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ способомъ, и не сразу, механически, ремесленно или бюрократически, а по мѣрѣ нашего покаянія, очищенія, творчески, духоносно. Совершенно никто не хочетъ производить эту реформу „не смотря ни на что“, какъ выражается г. профессоръ, а напротивъ — *тщательнѣйшимъ* образомъ именно *смотря на все* и до конца *выслушивая всехъ*. Возражать нужно противъ *наилучшихъ* проектовъ новаго дѣла, а не противъ худшихъ. Конечно, было бы верхомъ безумія дѣлать въ Церкви реформы въ духѣ хулиганской революціи и реформаціи; но совѣтъ иное дѣло—стремиться къ реформамъ, поставляя ихъ въ неразрывную связь съ безусловно необходимой подлинной церковной „эволюціей“, съ благодатнымъ развитіемъ нашего духа, разума и совѣсти. Реформаторомъ церковной жизни можетъ быть только тотъ, кто до конца усвоилъ все старое, кому оно дорого, кто его понималъ, кто съ благоговѣніемъ, а не съ ненавистью, устранить устарѣвшее. Реформы могутъ быть оправданы только совершенно выясненной непрекаемой нуждой. Для дѣла обновленія нужны люди, настолько чуткіе, чтобы не упустить ни одной еще живой и прекрасной ноты изъ стараго и не принять ни одного невѣрнаго тона изъ новаго, чтобы сочетать только одно прекрасное, дорогое. „Царство Божіе подобно книжнику, который выноситъ изъ своей сокровищницы и старое и новое“.

Г. Проф. Пѣвницкій предполагаетъ, что кто то хочетъ перевести сразу все Богослуженіе на какой-то „простой, обыденный“ русскій языкъ. Что такое „простой“ русскій языкъ? почему именно на „обыденный“? Въ другомъ мѣстѣ у него этотъ языкъ уже называется языкомъ „улицы“, языкомъ „нашей развязной литературы“. Ну, развѣ же это не грѣшно? Развѣ мы не потому говоримъ о реформѣ, что видимъ, какъ глубоко засыпаютъ чувства религіи въ людяхъ? Развѣ мы не подумали о томъ, что можетъ и что не можетъ вдохновлять эти чувства? Для взявшихъ нго священства весь смыслъ существованія—только въ радостномъ и плодотворномъ строеніи „зданія Божія“, Церкви; другого утѣшенія нѣтъ для нихъ. И если мы по священнической совѣсти, ради и во имя Христа, Которому служимъ, говоримъ, что языкъ богослуженія нуждается въ радикальной реформѣ, то неужели мы домогаемся ея по симпатіи къ „языку улицы“. къ „языку нашей развязной литературы“? ..

Проф. Пѣвницкій очень невысокаго мнѣнія о нашемъ родномъ русскомъ языкѣ. Но позволительно ему не повѣрять. „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!— Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрять, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Вотъ что писалъ, находясь внѣ родины, одинъ изъ могучихъ творцовъ дивнаго и чарующаго русскаго слова (Тургеневъ. Стихотворенія въ прозѣ). Если современныя бездарности исказили и унизили его въ своей ненормальной декадентской литературѣ, то зачѣмъ же насъ-то казнить въ Божіемъ дѣлѣ? зачѣмъ насъ-то лишать родного языка, какимъ мы могли бы живо и могущественно славить Бога? Вѣдь самъ же Вас. Ө. говоритъ, что славянскій языкъ намъ не чужой, что русскій выродился изъ него. Откуда же вдругъ русскій языкъ сталъ такъ плохъ. что будто бы стыдно и грѣшно посвятить его Богу? Какъ много у нашихъ проповѣдниковъ поразительныхъ по глубинѣ религіознаго чувства проповѣдей; они потрясли сердца слушателей, и ничего „неприличнаго“, ничего унижителяго для высокихъ религіозныхъ чувствъ не было въ томъ, что они излагались „простымъ“ русскимъ языкомъ. „Мо

литва“ великаго кievскаго старца Пареевiя, пользуется глубокимъ почтенiемъ въ широкомъ кругу вѣрующихъ, и она, однако написана самымъ простымъ русскимъ языкомъ, и это ее нисколько не умаляетъ: наоборотъ—будь она написана по-славянски, въ ней не было бы такой непосредственности и искренности.

Можетъ быть, русскiй языкъ недоразвитъ какъ языкъ Богослуженiя? Съ этимъ до извѣстной степени можно согласиться. Но это случилось оттого, что творчество въ области Богослуженiя было заказано для русскаго языка. Онъ не смѣлъ прилагать своихъ формъ и развиваться въ самой священной и дорогой для нашего духа области. Мы можемъ быть творцами произведенiй только на живомъ для насъ языкѣ. Мы не говоримъ на славянскомъ языкѣ, но развиваемъ его. Всѣ опыты современнаго творчества на славянскомъ языкѣ носятъ на себѣ очень яркiе отпечатки неестественности, фальсификаци. Да и фальсифицируется то не бывшiй нѣкогда живымъ (его нельзя уже воскресить) славянскiй языкъ, а уже омертвѣлый и изуродованный, каковъ онъ, несомнѣнно, въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ. И неужели это не грѣшно? Неужели и вправду нельзя принести Богу хвалу на живомъ, горячемъ, изъ сердца рвущемся русскомъ языкѣ?..

Если бы давно былъ открытъ доступъ къ творчеству церковно-богослужебнаго слова русскому языку, то теперь онъ стоялъ бы предъ нами въ дивной лучезарной красотѣ, онъ благотѣтельно воздѣйствовалъ бы на нашъ обычный языкъ и нравы, а огонь творчества и усиленный спросъ на живыя, самостоятельныя и вдохновенныя религiозныя чувства сильно влiяли бы на развитiе всепобѣждающаго могущества въ жизни нашего общаго духовно-религiознаго настроенiя. И слово и сердца наши горѣли бы, ибо религiозныя чувства—жизнь, теченiе, огонь. Однообразное повторенiе одного и того же, даже и великаго, усыпляетъ душу. Это—психологическiй законъ, который установилъ Богъ, а не человекъ. И развитiе живыхъ религiозныхъ чувствъ, и ростъ живой русскои рѣчи до высокихъ качествъ языка богослужебнаго были остановлены совсѣмъ не отъ Бога пришедшимъ запретомъ пѣть Ему „новую пѣснь“...

Никто не думаетъ, что можно сѣсть, какъ попало перетя-

пать на русскій языкъ богослужебныя книги,—вотъ и реформа. Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ нужны не ученые, не ремесленники, а творцы. Сдѣлать переводъ такъ, чтобы онъ былъ живымъ волнующимъ словомъ, а не искаженіемъ иноязычнаго творца,—для этого недостаточно простого перевода, а необходимо подтвореніе по духу и идеаламъ родного языка. Нѣкоторые такъ называемые переводы нашихъ поэтовъ иногда выше и поэтичнѣе своихъ оригиналовъ. Итакъ, пусть будетъ установленъ принципъ, пусть будутъ появляться опыты переводовъ и гармонизаций то одного, то другого изъ церковныхъ произведеній, и пусть эти опыты, съ извѣстной цензурой, входятъ въ Богослуженіе. И епископы, и пресвитеры,—и соборы, и міряне,—вся Церковь будетъ судьей. И одно войдетъ, будетъ принято въ церковную жизнь, привѣтся къ ней, другое—нѣтъ; какъ всегда бывало при общенародномъ или все-церковномъ творествѣ.

Справедливо говорить проф. Пѣвницкій, что славянскій языкъ для насъ не совсѣмъ чужой; можно прибавить, что онъ для насъ и не совсѣмъ мертвый. Нельзя иногда не чувствовать мощи и красоты этого языка. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что нужно стыдиться, нужно презирать свой родной русскій языкъ и не допускать его въ Богослуженіе, какъ нѣчто унижающее святыню? Ни одинъ сколько-нибудь разумный человекъ сознательно не замѣнитъ лучшаго худшимъ. А при богослужебной реформѣ необходимъ самый высокій подъемъ сознанія и религіознаго одушевленія. Поэтому можно быть въ покоѣ за то, что глупостей въ этомъ дѣлѣ не будетъ допущено. При средствѣ языковъ—все лучшее и живое въ славянскомъ должно быть усвоено русскому, но и славянскій долженъ принять въ себя все наилучшее русское или устраниться въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ, давая ему полный просторъ. Такимъ образомъ, реформа на первыхъ порахъ можетъ быть только руссификаціей славянскаго богослужебнаго языка и возвышеніемъ русскаго словеснаго стиля, въ нѣкоторыхъ пунктахъ—славянизацией его. Нужно, чтобы органически, постепенно сливались стихіи двухъ родныхъ языковъ. Но, повторяемъ, все дѣло реформы во всѣхъ своихъ частяхъ и со всѣхъ сторонъ должно совершиться жизненно, творчески, вдохновенно и даже Боговдохновенно, поскольку высшій духовный даръ (даръ да и

вообще всякій)—отъ Бога, свыше; тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ. Все это безъ смѣха и не по заказу творится; поэтому требуется пока только признать основную правду принципа и допустить его частныя примѣненія.

Но слишкомъ ясно, что подобная постановка дѣла сливается неразрывно съ вопросомъ вообще о широкомъ церковно-богослужебномъ *творчествѣ*. Вотъ тутъ-то и есть источникъ соблазна. Мысль о „творчествѣ“ служитъ страшилищемъ для нашихъ благочестивыхъ церковниковъ. Творили отцы, сотворили на всѣ вѣка; подумать, что и мы тоже можемъ творить,—кощунство. Но неужели святые отцы жили и творили для того, чтобы послѣдующія поколѣнія не смѣли жить и творить и чтобы ихъ самостоятельные порывы вѣры, ихъ личный жаръ любви и свободныя жертвы хвалы были навсегда отвергнуты и заклеяны какъ нечистыя? Вѣдь и такъ думать не кощунство-ли? Психика современнаго человѣчества слишкомъ усложнилась, сдѣлалась гораздо утонченнѣе, чѣмъ было въ прошедшихъ вѣкахъ: расстройства и паденія ея стали ужаснѣе, но и жарче ея порывы къ правдѣ (Апокал. 22, 11). Прогрессъ и добра и зла въ человѣческой исторіи несомнѣненъ, и глубже оттого становится борьба этихъ двухъ противоположныхъ началъ въ общественной и индивидуальной жизни. Такъ что есть несомнѣнная нужда въ „новыхъ пѣсняхъ“ религіи и духа для выраженія раскрывающихся и растущихъ порывовъ вѣрующаго человѣческаго сердца. Это совсѣмъ нисколько не умаляетъ нашего благоговѣнія къ незамѣнимому и священнѣйшему наслѣдству прошедшихъ вѣковъ, какое мы имѣемъ въ нашемъ древнемъ Богослуженіи. Въ немъ мы, конечно, имѣемъ элементы божественные, непреходящіе; но есть въ немъ и элементы человѣческіе, временные, имѣющіе воспитательное значеніе до извѣстной поры. Конечно, все, что прежде написано, для нашего „назиданія“ написано (Рим. 15, 4); но какъ во имя растущихъ въ вышину стѣнъ нельзя отрицать неизмѣнно утвержденнаго фундамента, такъ точно и во имя неподвижнаго основанія нельзя возражать противъ роста зданія и его украшеній. Для каждой эпохи, для каждаго народа, вѣка, племени должны быть, кромѣ унаслѣдованныхъ и непреходящихъ, и свои пѣсни, свои произведенія духа; и неужели только въ величайшихъ и важнѣйшихъ

переживаніяхъ религіи человѣчество не имѣетъ права расти? Не наоборотъ-ли? Въ какой именно области, какъ не въ области религіи, человѣчество и жаждетъ и должно принести самыя живыя жертвы, посвятить Богу самыя высокіе дары? Однако, нисколько не требуется, чтобы новая пѣснь Богу была сложная, искусственная, модная; нѣтъ, требуется, чтобы она была самая чистая, самая высокая, самая простая, безусловно правдивая, вдохновенная отъ Духа Святыни и Истины; требуется, чтобы она была отъ живого сердца, самостоятельно и непосредственно пережитая. Чѣмъ выше развитіе духа, тѣмъ болѣе онъ ищетъ для себя самыхъ простыхъ выраженій, наиболѣе близкихъ къ самой сущности жизни, и тѣмъ болѣе онъ способенъ на ихъ творчество. Ничто бы такъ не подѣйствовало на современное невѣжественно-гордое отрицаніе, ничто бы такъ наглядно ни пристыдило его жалкой недальновидности, какъ самостоятельная и живая современная религіозная пѣснь. Она показала бы, что мы не разогрѣваемъ только въ себѣ безнадежно будто бы стухающіе чувства отцовъ, и горимъ тѣмъ же духомъ, вѣчно юнымъ и безъ конца растущимъ, какъ и они. Намъ даже нужно оживить въ себѣ „сугубый духъ“ отцовъ, чтобы крѣпко противостать духу вѣка сего. А духъ отцовъ былъ духомъ живой вѣры и могучаго творчества.

Но для творчества въ области религіозной жизни нужны пророки. И вотъ намъ кидаютъ упрекъ: нѣтъ у васъ пророковъ. Но почему ихъ нѣтъ? Когда цѣлое тысячелѣтіе все живое, свое, творческое считалось безусловно нечистымъ, кощунствомъ, ересью, когда систематически душилось вдохновеніе и живые порывы въ области религіи,—то откуда же быть пророкамъ? Они были въ древности. Но они были подобострастны намъ, они исповѣдывали себя грѣшниками: и однако они творили. Почему же и теперь люди вѣры и благодати не могутъ быть—и при неизбѣжной немощи—творцами? Творчество—законъ духа; оно вызываетъ къ могучему расцвѣту его внутреннюю жизнь. Если бы это допускалось, то живыя творческія силы росли бы у насъ безъ конца; разъ это—„грѣхъ“, то они атрофируются. Въ атрофii у насъ мысль, въ атрофii чувство, въ атрофii—слово и пѣснь; духъ нашей вѣры не проявляется въ насъ сильно и могущественно, нѣтъ у насъ вдохновенія и пророка, и

наблюдается общее прогрессирующее паденіе религіозности. Но вѣдь запретомъ творчества въ концѣ концовъ все можно атрофировать... *на радость врагамъ Церкви* ¹⁾.

Конечно, вкусы и настроенія бываютъ различны. И рѣшительно нѣтъ основаній настаивать въ полномъ и безусловномъ ихъ уравниеніи. Прокрустова ложа не нужно. Намъ нужно единство только въ самомъ необходимомъ; въ томъ, что допускаетъ равносильные варианты,—нужна свобода; а во всемъ любовь (бл. Августинъ). Въ минуты немощи, на примѣръ, въ минуты недовѣрія и къ обще-церковнымъ силамъ, кажется иногда: какое это благо, что намъ нѣтъ нужды творить, созидать, все у насъ есть, ко всему этому мы приросли съ дѣтства; какъ хорошо, что это наслѣдство у насъ крѣпко хранится, никто и не расхищаетъ, никто не становится на мѣсто его съ своимъ надутымъ и крикливымъ самолюбіемъ, своими политическими страстями. И какой крѣпкій покой вноситъ тогда въ душу наше древнее, неподвижное, величавое и глубоко-проникновенное Богослуженіе! Если кто остановился въ такомъ настроеніи, то—Господь съ нимъ: пусть онъ утѣшается: ему нужно. „Немощнаго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ (Рим. 14, 1)“. Конечно, и „сильные должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать (тамъ же 15, 1)“. Однако можно ли подъ эту мѣрку немощи поработать всю Церковь и при томъ въ критическіе моменты ея борьбы, когда она должна встать во всей своей силѣ? Покой и довольство пріятны, иногда—необходимы. Но они отдыхъ для утомленной души, не сдѣлавшей должнаго, истомленной своей вольной или невольной помощью и бездѣятельностью, они—самоубійственныя оковы. Наоборотъ—безпокойство, жажда развитія, исканіе новыхъ и новыхъ силъ пробуждаютъ таящіяся нормы и геній духа и ведутъ его къ свободному, разумному, самостоятельному и потому горячему, вѣчно

1) Намъ могутъ указать, что и теперь возникаютъ новые акаенсты и службы русскимъ святымъ. Но это, во-первыхъ, слишкомъ узкій и стѣсненный кругъ для творчества; въ самомъ дорогомъ и общемъ—положенъ запретъ; а во-вторыхъ, какъ говорилось, на славянскомъ языкѣ можно только поддѣлываться, а не творить вдохновенно; поддѣлка дѣйствительно и есть и въ языкѣ, и въ формѣ, и въ содержаніи указанныхъ произведеній. Это—не творчество.

живому и обновляющемуся, служенію Вѣчной и Неисчерпаемой Правды, съ надеждой на обѣтованное „насыщеніе“. Въ этомъ могучемъ порывѣ и живомъ теченіи духовнаго развитія или оздоравливаются или выбрасываются всѣ человѣческія нечистыя вдохновенія, и слышится только голосъ неба. Въ чистыхъ порывахъ души есть судъ нашему земному своекорыстію. Къ духовному творчеству способны только чистыя сердца, забывшія себя и предавшія себя, какъ органы, какъ орудія и отраженія „небесному видѣнію“. Поэтому-то „творчество“ неразрывно связано съ возрожденіемъ обще-церковнаго духа и сознанія.

Первые опыты новыхъ твореній могутъ быть однако слабы. Но они должны быть допущены: иначе мы не дождемся лучшаго. Недостаточныя выраженія великихъ идей сильнѣйшимъ образомъ мучатъ и волнуютъ душу и тѣмъ самымъ вынуждаютъ и вдохновляютъ ее къ высшимъ проявленіямъ творчества. Нѣтъ основаній отчаяваться въ живыхъ и творческихъ силахъ нашей русской церкви. Океанъ благодати Божіей никогда не обмелѣетъ; тайники нашего духа, изъ которыхъ—при живой связи съ Духомъ Божіимъ—вѣчно будутъ бить новые и новые источники хвалы, молитвъ и благодареній, очень далеко еще нами не извѣданы; богатѣйшему развитію нашего русскаго языка еще никто не положилъ запрета. Такъ что нѣтъ безусловныхъ препятствій къ новымъ и новымъ выраженіямъ непрестанно растущаго въ Церкви религіознаго одушевленія; нѣтъ и основаній къ тому, чтобъ „слову вольному преградой“ намъ „быть по грубости“ своей, чтобъ „пѣвца живую рѣчь сковать намъ заповѣдію трудной“ иль малодушно „заградить нещадно тотъ источникъ сильный, который міръ бы напоилъ водой цѣлебной и обильной (А. Толстой. Іоаннъ Дамаскинъ)!“. Еще преосвященный епископъ Феофанъ писалъ: „и церковныя молитвословія могутъ быть измѣняемы; но не всякимъ самочинно, а церковною властію. Неизмѣнны только словеса, таинства совершающія. Прочіе всѣ тропари, стихиры, каноны—текучи суть въ церкви. И власть церковная можетъ ихъ—одна (одно?) отмѣнить, а другая (другое?) вводить. Въ печатныхъ церковныхъ службахъ переводъ уже устарѣлъ, много темнаго и излишняго... Начала чувствоваться потребность обновленія. Возьметъ сему власть церковная и обновитъ. Но все

должно итти въ чинѣ. Дотоль же все должно совершать, какъ положено, стараясь и для другихъ дѣлать то внятнѣе“ (Письма къ прот. Нечаеву. Душеполез. Чт. 1909, Декабрь, стр. 432). Если великій столпъ православія это пишетъ, то ясно, что ничего нецерковнаго или неправославнаго нѣтъ въ горячихъ и благочестивыхъ чаяніяхъ богослужебнаго оживленія и обновленія.

Однако мы были бы непрочъ снять съ ближайшей очереди вопросъ о широкомъ богослужебномъ творествѣ, если бы его, дѣйствительно, можно было обойти. Но дѣло обстоитъ иначе. Можно разсуждать слѣдующимъ образомъ: широкое творчество—дѣло десятой ступени, а мы не вступили и на первую: на высшихъ ступеняхъ духовнаго развитія неудержимо возникли бы новые перлы церковнаго гѣсотворчества, предъ побѣждающей силой которыхъ всякое колебаніе смолкло бы; а безъ такихъ новыхъ образцовъ расчищать дорогу для творчества не является ли дѣломъ смѣшнымъ, какъ вызовъ карликомъ на бой великана? Въ виду этого не довольно ли ограничиться свободою творчества въ той лишь мѣрѣ, какая необходима при переводѣ Богослуженія на русскій языкъ и при неизбѣжныхъ въ такомъ переводѣ „подтвореніяхъ“?. Такъ можно разсуждать и думать. Но въ дѣйствительности дѣло сложнѣе: какъ подъемъ духа вызываетъ творческую работу, такъ и обратно—творческія усилія зажигаютъ вдохновеніе, въ силу чего запретъ свободнаго и живого творчества атрофируетъ творческіе порывы въ самомъ ихъ зародышѣ. Это первое. Второе—и „руссификація“ Богослуженія на самомъ дѣлѣ есть грандіознѣйшее предпріятіе, для осуществленія котораго потребны уже *зрѣлыя* творческія силы. А чтобы имъ созрѣть, ихъ нужно развязать. Мы не дождемся великихъ силъ и твореній, если не дадимъ расти малымъ...

При мысли о внѣшнихъ обновленіяхъ въ Богослуженіи проф. Пѣвницкаго устрашаетъ возможность церковно-народнаго возмущенія, раскола; онъ вспоминаетъ реформу Никона. Но неужели русская церковь навсегда останется подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ прошлаго года и навѣки остановится въ своемъ развитіи? Мало ли сколько тьмы и фанатизма вредило въ прошломъ дѣлу Христову? Неужели они сильны и теперь и безъ конца простирать и изъ могилы свое мертвящее вліяніе? Расколъ, отдѣлившись отъ Церкви во имя

обрядовѣрія, заразили чрезъ это своимъ обрядовѣріемъ и православіе. Но не пора ли положить конецъ этому трепету предъ расколомъ, поддѣлыванію подъ его темные взгляды и вкусы?

Реформа патр. Никона, дѣйствительно, была очень неудачна. Но неужели должны умереть изъ-за этого всѣ порывы къ живой одушевленной религіозности, къ развитію, къ общему совершенствованію? Даже при недопустимомъ съ церковной точки зрѣнія реформированіи ушло въ расколъ значительное меньшинство. И неужели боязнь предъ фанатическимъ меньшинствомъ должна убить и теперь всѣ попытки къ оживленію религіознаго чувства жаждущаго обновленій большинства?

Что произошло въ прошломъ, то произошло по личнымъ грѣхамъ тѣхъ и другихъ дѣятелей—противниковъ. Много было ошибокъ. Но ошибки учать, а не должны наводить столбнякъ, панику. И народъ, и дѣятели, и время,—все теперь иное. Теперь, наоборотъ, многіе уйдутъ изъ церкви или охладѣютъ къ ней, если не будетъ „новшествъ“. Прошлое многому насъ научило. Теперь возможна реформа только въ строго церковномъ духѣ: при голосѣ и согласіи всѣхъ вѣрныхъ, безъ тѣни насилія; съ полнымъ благоговѣніемъ къ существующему обряду, съ необходимой свободой для стараго и новаго, съ полнотою любви и мира. Теперь и расколъ колеблется, порываясь къ новому, по крайней мѣрѣ въ молодыхъ поколѣніяхъ; и единовѣрцы ищутъ оживленія, допустивъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, живую проповѣдь на русскомъ языкѣ. Теперь не скромные только реформаторы, а прямо-таки реформаты, евангелики, баптисты и прочіе сектанты, создающіе вполнѣ свободно и заново и уставы общинъ, и подробности культа, увлекаютъ за собою не малыя тысячи русскаго люда. А мы все будемъ стоять и думать, не взбунтуются ли православные, если вдругъ все ясно и понятно для нихъ станетъ въ Богослуженіи?

Совсѣмъ напрасна въ данномъ случаѣ и ссылка почтеннаго профессора на печальную аѣнскую исторію съ переводомъ свящ. Писанія. И у насъ нѣкогда было тоже: опасно было переводить Библию на русскій языкъ (исторія прот. Павскаго). И у католиковъ существуетъ запрещеніе мірянамъ

читать Библию. Это—страшное дѣло; Богъ хочетъ говорить человѣчеству, всему и внятно, а человекъ, трусливый и маловѣрный, своей дерзкой рукой закрываетъ ближнимъ глаза и затыкаетъ уши, чтобы они не видѣли, не слышали и не пришли къ спасенію; и при этомъ ему думается, что онъ ихъ спасаетъ... Что тутъ хорошаго? Чему тутъ подражать?

Свящ. Дим. Силинъ.

(Продолженіе будетъ).
